

## ВОЗРОЖДАЯ ЦЕЛОСТНОСТЬ ОБЩЕСТВОЗНАНИЯ

### В КАКОЙ МАТРИЦЕ МЫ ЖИВЕМ? (этнометрическая проверка теории институциональных матриц)<sup>1</sup>

*Н.В. ЛАТОВА*

научный сотрудник, Институт социологии  
РАН

**П**РОБЛЕМА, которую в настоящее время оживленно обсуждает российское сообщество обществоведов, — «пришла» наша страна к какой-то стабильности, или же она «продолжает идти» к ней. Если воспользоваться понятийным аппаратом синергетики, речь идет о том, вышла ли Россия на устойчивый аттрактор, или она все еще находится в состоянии бифуркации.

Обращаясь к данным социологических опросов, можно найти аргументы, подтверждающие самые полярные точки зрения. С одной стороны, социологические мониторинги показывают стабильность (порядка 55%) количества людей, у которых преобладает оптимистическое и нормальное настроение. Когда происходят кризисные перемены (как, например, в первой половине 1990-х гг.), люди обычно глядят на жизнь более мрачно. Однако, с другой стороны, хотя подавляющее большинство людей считает одной из наиболее важных ценностей для себя «уверенность в завтрашнем дне» (около 60%), но лишь примерно 5% от всего населения признает, что приобре-

<sup>1</sup> Исследование, данные которого описываются в статье, выполнено в рамках гранта КТК 292-2-02. Поддержка проекта была осуществлена АНО ИНО-Центр в рамках программы «Межрегиональные исследования в общественных науках» совместно с Министерством образования Российской Федерации, Институтом перспективных российских исследований им. Кеннана (США) при участии Корпорации Карнеги в Нью-Йорке (США), Фондом Джона Д. и Кэтрин Т. МакАртуров (США). Точка зрения, отраженная в данном документе, может не совпадать с точкой зрения вышеперечисленных благотворительных организаций.

ло такую уверенность, а вместе с ней и благоприятные перспективы.

Видимо, ответ на вопрос о завершении переходного периода нельзя напрямую получить из социологических мониторингов, поскольку обыденное сознание плохо осознает общественные сдвиги. Поскольку «лицом к лицу лица не увидеть», попробуем отойти от обсуждаемой проблемы немного в сторону и задать вопрос: а куда *может прийти* Россия?

Для ответа на этот вопрос необходимо обратиться к теориям социально-экономических систем, поскольку именно они занимаются поисками критериев выделения различных фаз в общественном развитии. Ответы будут различаться (если не по содержанию, то по форме) в зависимости от того, к какой теории мы обратимся: к теории постиндустриального общества, к цивилизационной парадигме, к мир-системному анализу, к идеям К. Поланьи, к социо-естественной истории Л.Н. Гумилева... Нам представляется, что в данном случае целесообразно опереться на концепцию институциональных матриц, предложенную С.Г. Кирдиной [1; 2, с. 22–26].

*Концепция институциональных матриц и ее ахиллесова пята.* В своих работах по институциональной социологии С.Г. Кирдина выделяет две институциональные модели, в рамках которых может развиваться общество, — так называемые Х-матрица и Y-матрица. Х-матрица соответствует восточной модели исторического развития, характеризующейся реди-стрибутивной экономикой, унитарным политическим устройством и коммуитарной идеологией. Y-матрица — это западная модель, для которой типичны институты рыночной экономики, федеративного политического устройства и субсидиарной идеологии.

Согласно концепции Кирдиной, критерием оценки ситуации в какой-либо стране — является ли она стабильной (развитие по аттрактору) или кризис-

ной (бифуркационной) — следует считать характер имплантации (экспорта) институтов. Любое динамично развивающееся общество всегда осуществляет спонтанное или целенаправленное копирование каких-либо зарубежных институтов. Весь вопрос в том, институты каких стран рассматриваются как желанный образец. Страна, переживающая кризис, стремится к обновлению за счет заимствования элементов из противоположной институциональной модели. Наоборот, фаза стабилизации связана с обращением к опыту тех стран, которые характеризуются той же самой институциональной матрицей.

Россия, полагает С.Г. Кирдина, по своему социальному генотипу относится к странам с Х-матрицей. На основе этой посылки реформы 1980–1990-х гг. интерпретируются ею следующим образом. Сначала реформаторы попытались внедрить чуждые нашей матрице экономические, политические и идеологические институты из стран с Y-матрицей. Когда же обозначилась неудача «вестернизации», то началось медленное выравнивание баланса: рыночные механизмы, федеративные принципы и личностные ценности стали занимать более подчиненное положение. Этот процесс возвращения к базовым институтам Х-матрицы как раз и является показателем начала стабилизации ситуации в стране.

Итак, с точки зрения теории институциональных матриц, смену ельцинской демократии путинским «авторитаризмом с человеческим лицом» следует считать завершением флуктуации и переходом на аттрактор.

Однако у кирдинской концепции есть ахиллесова пята: принадлежность России к странам с Х-матрицей постулируется, а не доказывается. Между тем в литературе (например, у А. Янова [6]) можно найти и противоположную точку зрения: Россия якобы является по сути европейской страной, но со времен Ивана Грозного ее стремятся насиль-

ственно «ориентализовать». Если Россия имеет Y-матрицу, то путинский режим может оказаться не завершением кризиса, а началом очередного скачка в неизвестность.

Поставить точки над *i* поможет этносоциология — именно она должна подтвердить или опровергнуть восприятие России как страны с X-матрицей.

*Этнометрия Хофстеда — путь к проверке теории институциональных матриц.* Для решения поставленной проблемы необходимо изучить характеристики национальной ментальности современной России и найти ее место в международной системе характеристик национальных культур, определив, какая же институциональная матрица более адекватно отображает суть России.

Среди широкомасштабных кросс-культурных проектов на сегодняшний день наибольшей популярностью пользуются три: проект GLOBE (Global leadership and organizational behavior effectiveness) [10, p. 171–233], исследование WVS (World Values Survey) [11] и кросс-культурное исследование под руководством нидерландского психолога Г. Хофстеда [8, 9]. Исследование WVS слишком тесно связано с ценностями демократии и имеет явно выраженную прозападную ориентацию. Проект GLOBE относительно вторичен к исследованиям Г. Хофстеда. А вот культурные показатели, предложенные нидерландским ученым, подходят для наших целей очень хорошо.

Из показателей, предложенных Г. Хофстедом для комплексного и объективного понимания основных различий между национальными ментальностями, выберем три главных:

- *дистанция власти* (PDI — Power Distance) — это степень, с которой люди принимают неравномерность распределения власти в институтах и организациях;
- *индивидуализм* (IDV — Individualism) — степень, с которой люди

предпочитают заботиться только о себе и собственных семьях либо с рождения имеют склонность объединяться в некие группы, которые несут ответственность за человека в обмен на его лояльность;

- *маскулинность* (MAS — Masculinity) — это степень, с которой господствующие в обществе ценности тяготеют к напористости, жесткости и сосредоточены на материальном успехе, игнорируя интерес к людям и условиям жизни.

С некоторой условностью можно сказать, что показатель дистанции власти отражает политическую подсистему (распределение власти, подчиненность, делегирование полномочий), индивидуализм — идеологическую (приверженность солидарности), а маскулинность (достижительность, ориентация на успех) — экономическую.

*Россия в хофстедовой системе координат.* Хотя измерения показателей национальных культур проводят за рубежом с конца 1960-х гг., в нашей стране они начались совсем недавно. Одним из первых в 1990-е гг. этим начал заниматься А. Наумов [3, с. 70–103], затем этнометрией стали заниматься сотрудники Центра конфликтологии ИС РАН. В 2001–2002 гг. ими были организованы опросы жителей двух центральных регионов России — Нижегородского и Ярославского — по репрезентативной выборке.

Поскольку полученные показатели оказались близки по значению (см. таблицу), можно сделать вывод об относительной целостности ментального континуума населения центральной части России.

Если изобразить на графике соотношение каких-либо двух хофстедовых показателей, то мы получим одну из проекций созданной Г. Хофстедом системы национальных культур. На рисунках изображены две такие проекции —

**Значения хофстедовых показателей, полученные в ходе исследований Института социологии РАН в 2001–2002 гг.**

Показатель	Ярославль		Нижний Новгород	
	2001 г.	2002 г.	2001 г.	2002 г.
PDI	45,3	—	47,5	48,0
IDV	52,6	—	44,0	45,1
MAS	43,5	—	45,0	45,1

взаимосвязь для некоторых стран мира, во-первых, между рангами дистанции власти и индивидуализма (рис. 1) и, во-вторых, между индивидуализмом и маскулинностью (рис. 2).

Область графиков, где сгруппированы страны Запада, выделена сплошной линией, а область стран Востока — пунктиром. Видно, что эти две группы довольно сильно отстоят друг от друга. Наиболее четко это видно на рис. 1. Страны западноевропейской культуры (Запад) сгруппированы в правом нижнем углу, для них типичны сильный индивидуализм

и низкая дистанция власти. Страны же Азии, Африки и Латинской Америки (Восток) сгруппировались в левом верхнем углу, демонстрируя слабый индивидуализм и высокую дистанцию власти.

Что касается Центральной России, то она занимает промежуточную позицию между странами Востока и Запада. Отметим, что это срединное положение России отмечает и В.А. Ядов, также использующий в своих исследованиях хофстедовский подход: «В обследовании 518 рабочих и представителей администрации машиностроительных заводов (от Москвы до Волгограда) мы к немалому удивлению обнаружили, что индекс «индивидуализм — коллективизм» в российской выборке имеет средние значения, причем на «полюсах» — соответственно китайцы и американцы» [5, с. 354].

Срединное положение России заметно и по показателю маскулинности.

*Россия — Азияна?* Чтобы достоверно утверждать, принадлежит ли российская культура к Востоку или к Западу, был проведен иерархический кластерный анализ по всем трем показателям.

Экономический вестник Ростовского государственного университета 2003 Том 1 № 3



Рис. 1. Соотношение индикаторов индивидуализма и дистанции власти

## В какой матрице мы живем?

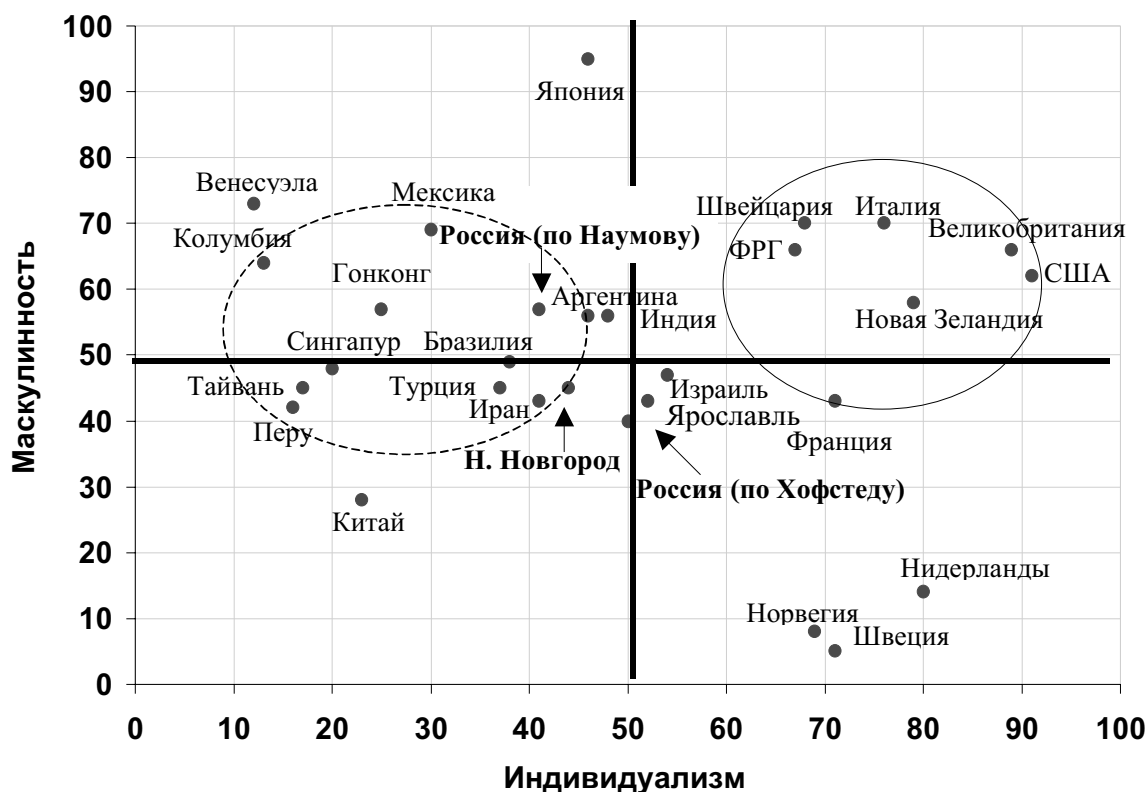


Рис. 2. Соотношение индикаторов индивидуализма и маскулинности

Кластеризация совокупности представленных на наших рисунках стран на две группы дала следующие результаты:

1-я группа стран (Норвегия, Швеция, Нидерланды, ФРГ, Швейцария, Италия, Великобритания, США, Новая Зеландия и Израиль) дает нам кластер стран, имеющих западную ориентацию («Запад»);

2-я группа стран (Перу, Тайвань, Китай, Сингапур, Гонконг, Венесуэла, Колумбия, Мексика, Аргентина, Бразилия, Турция, Иран, Индия, Франция, Япония и Россия, представленная Ярославлем и Нижним Новгородом) — это блок стран с восточной моделью развития («Восток»).

Деление стран на два блока подтверждает правомерность гипотезы о выделении двух институциональных моделей — X-матрицы (2-я группа) и Y-матрицы (1-я группа).

Может показаться, что отнесение Франции в «восточную» группу выглядит диссонансом. Однако место Франции в одном ряду со странами, имеющими восточные черты развития, ка-

жется нам тем исключением, которое подтверждает правило. Многие ученые отмечают, что исторически во Франции рынок играл заметно меньшую роль, чем контроль со стороны государства. Более того, французское общество традиционно воспринимает бизнес с негативной точки зрения. Это явное отличие Франции от других государств континентальной Европы ясно и четко осознается французским правительством. Даже представитель правых Ж. Ширак подчеркнул в 1997 г. на встрече «большой семерки» в Денвере: «Мы испытываем к другим глубочайшее уважение, но у нас есть собственные традиции, собственная модель, и мы хотим их сохранить» [7, р. 3].

Итак, проведенный анализ ментальных характеристик жителей Центральной части России подтверждает гипотезу С.Г. Кирдиной о наличии в России базовой ментальной основы X-матрицы. В таком случае начавшийся при Путине процесс частичной реабилитации «вос-

точных» ценностей позволяет говорить о завершении бифуркационного периода в развитии России и о начале ее развития по аттрактору.

С кого нам «делать жизнь»? *Последнее, на чем имеет смысл остановиться, — это на выделении тех стран, которые могут стать для России примером для подражания (в случае наличия у них удачной модернизации) на основе сходства национальных черт ментальности.*

Чтобы выяснить «расстояние» между странами, измерив тем самым степень сходства, нужно вычислить квадрат евклидова расстояния между координатами стран в модели Хофстеда. Очевидно, что чем меньше расстояние между объектами, тем более они схожи. Как показывают расчеты, наиболее близкими к России по показателям индивидуализма, дистанции власти и маскулинности выступают три страны — Аргентина, Иран и Турция.

Россию объединяют с этими странами «третьего мира» многие общие черты их исторического развития. Главная из них — это стратегия догоняющего развития. Все эти страны относятся, по А. Гершенкرونу, ко второму эшелону развития капитализма, когда модернизация страны обусловлена не столько ее внутренним саморазвитием, сколько влиянием более развитых стран «ядра» капиталистической мир-экономики [4, с. 751]. Из этих трех стран две — Турция и Аргентина — смогли, несмотря на бурные катаклизмы минувшего столетия, решить задачи модернизации и относятся сейчас к числу высокоразвитых новых индустриальных стран. Если они смогли успешно модернизироваться, то, вероятнее всего, сможем и мы.

Итак, «ирано-турецко-аргентинская» ментальность россиян порождает, как нам кажется, довольно оптимистические ожидания в отношении перспектив России в новом веке.

#### ЛИТЕРАТУРА

1. *Кирдина С.Г.* Институциональные матрицы и развитие России. 2-е изд., перераб. и дополн. Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 2001
2. *Кирдина С.Г.* Спор ученого с поэтом, или Социологическая теория институциональных матриц против утверждения о том, что «умом Россию не понять» // MOST (Журнал деловых людей МОСТ). 2001. № 46.
3. *Наумов А.* Хофстидово измерение России (влияние национальной культуры на управление бизнесом) // Менеджмент. 1996. № 3.
4. Экономические субъекты постсоветской России (институциональный анализ). М.: МОНФ, 2001. С. 751.
5. *Ядов В.А.* Некоторые социологические основания для предвидения будущего российского общества // Россия реформирующаяся. М., 2002.
6. *Янов А.Л.* Россия: У истоков трагедии. 1462—1584. Заметки о природе и происхождении русской государственности. М.: Прогресс-Традиция, 2001.
7. A Survey on France // The Economist. 5 June 1995.
8. *Hofstede G.* Cultures and Organizations (Software of the Mind). Harper Collins Publishers, 1994.
9. *Hofstede G.* Culture's Consequences: Intern Differences in Work-Related Values. Beverly Hills, London, 1980.
10. *House R., Hanges P.* Cultural influences on Leadership and Organizations. Project GLOBE // Advances in Global Leadership. 1999. Vol. 1.
11. *Inglehart R., Baker W.* Modernization, Cultural Change, and the Persistence of Traditional Values // American Sociological Review. February 2000. Vol. 65.